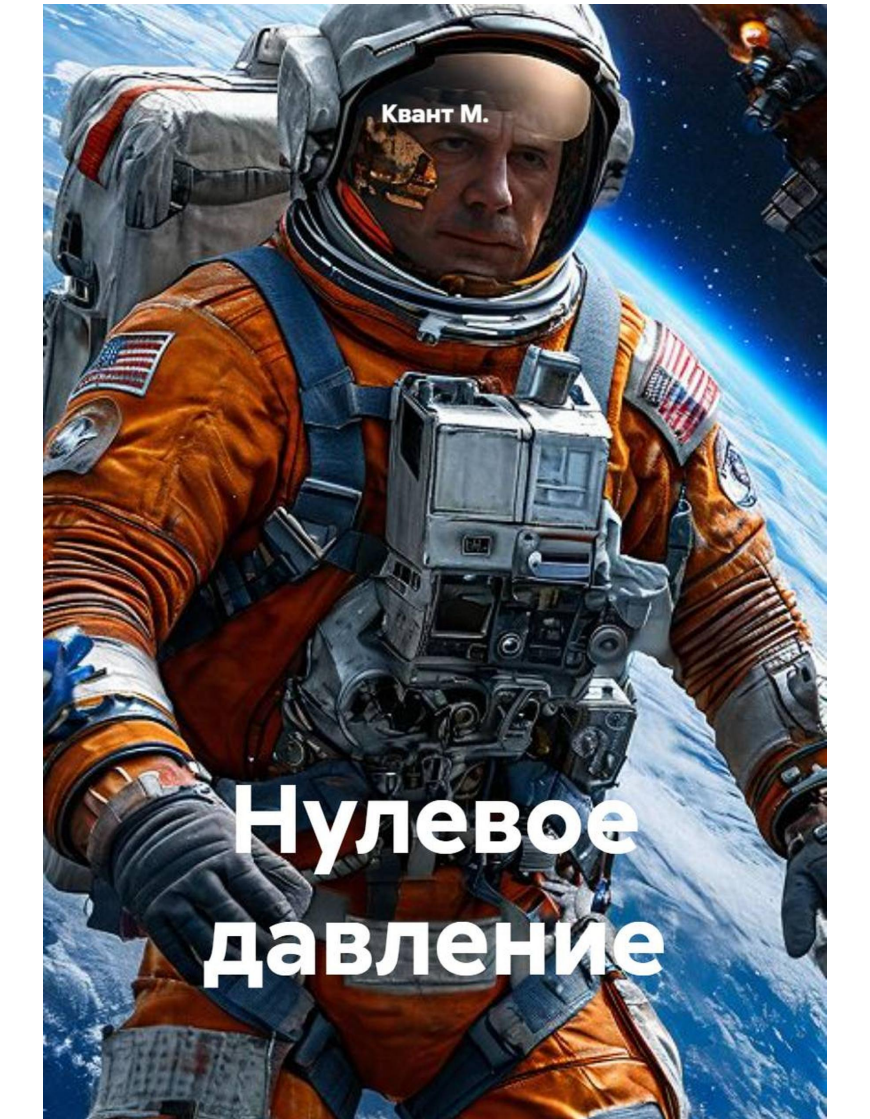

A full-page background image of an astronaut in an orange space suit floating in space. The astronaut is wearing a helmet with a clear visor and has a large, complex piece of equipment attached to their chest. The Earth's blue and white horizon is visible in the background.

Квант М.

Нулевое
давление

Квант М. Нулевое давление

*<https://litres.ru/74382127>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Астронавт Алексей Руднев остаётся один на МКС после таинственной атаки. Без оружия и связи, он должен защитить станцию от врагов, охотящихся за секретным лазерным комплексом. Используя законы физики, невесомость и инженерную смекалку, Руднев превращает саму станцию в смертоносную ловушку. Но враг не остановится ни перед чем, и цена победы может оказаться слишком высокой. Космический боевик о мужестве, самопожертвовании и силе человеческого разума.

Содержание

Глава 1. Точка невозврата	4
Глава 2. Молот и наковальня	32
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Квант М.

Нулевое давление

Глава 1. Точка невозврата

Тишина на космической станции никогда не бывает абсолютной. Это первое, что усваивает каждый, кто провёл на орбите больше суток. Гул вентиляторов системы жизнеобеспечения, мерное жужжание гиродинов, поддерживающих ориентацию, щелчки реле в бесчисленных электрических цепях, шипение клапанов в контурах терморегуляции — всё это сливается в непрерывную, почти музыкальную партитуру, к которой привыкаешь настолько, что перестаёшь замечать. Мозг отфильтровывает фоновый шум, как житель мегаполиса перестаёт слышать гул автомобилей за окном. Но когда эта партитура вдруг меняет тональность, когда в неё вплетается нота, которой там быть не должно, — это действует как удар электрическим током. Именно так всё и началось. Со звука.

Алексей Руднев находился в американском сегменте, в лабораторном модуле, когда услышал его — тонкий, пронзительный свист, переходящий в ультразвук. Звук был настолько высоким, что казалось, он проникает не через уши, а прямо через кости черепа, резонируя где-то в глубине мозга. Руднев замер. Рука, державшая планшет с данными экспе-

римента по кристаллизации белков, инстинктивно сжалась так, что побелели костяшки пальцев. Он знал этот звук. Знал теоретически, по многочасовым тренировкам в Центре подготовки космонавтов, по бесконечным инструктажам и симуляциям нештатных ситуаций. Это был свист стравливаемого в вакуум воздуха. Разгерметизация.

Первая мысль была предательски банальной, почти глухой: «Этого не может быть. Это учебная тревога». Но тут же мозг, натренированный годами предполётной подготовки, отбросил спасительную ложь. Учебные тревоги объявляются по громкой связи, с чёткой, отработанной формулировкой на двух языках. Сейчас громкоговорители молчали. Молчали и сигнальные сирены. Был только этот леденящий душу свист, который становился всё громче и пронзительнее с каждой секундой.

— Внимание, экипаж! Доложить о местонахождении и статусе! — голос командира экипажа, Майкла Донована, раздался из динамиков внутренней связи, перекрывая нарастающий шум. Говорил он по-английски, но Руднев понимал его без малейшего напряжения, как родной язык. Пять лет в международных экипажах сделали своё дело. Голос Донована был спокоен, даже слишком спокоен, но в нём уже слышался тот особый металлический оттенок, который появляется у человека, мгновенно мобилизовавшего все внутренние ресурсы перед лицом смертельной опасности.

— Иванова, японский модуль, слышу свист. Давление па-

дает! — голос Анны, единственной женщины в экипаже, звучал сдавленно, но без паники.

— Накамура, здесь же! Подтверждаю! Утечка в районе стыковочного узла! — голос японского астронавта был быстрым, слова налетали друг на друга.

— Руднев, лабораторный модуль. Свист слышу. Давление в норме пока, — отозвался Алексей, уже отталкиваясь от поручня и направляя своё тело в сторону переходного люка. В невесомости каждое движение должно быть точным и экономным. Паника здесь — верный способ убить себя раньше, чем это сделает вакуум. Он скользнул в узкий лаз, соединяющий модули, цепляясь пальцами ног за знакомые выступы. Мышцы работали на автомате, тело само вспоминало привычную геометрию станции, в то время как сознание лихорадочно перебирало варианты. Что могло стать причиной? Микрометеорит? Столкновение с фрагментом космического мусора? Катастрофическая усталость металла? Всё это было возможно, но крайне маловероятно. Системы слежения за космическим мусором на Земле должны были предупредить об опасном сближении за несколько часов. Метеоритный поток такой силы, чтобы пробить многослойную обшивку модуля? Тоже рассчитывается и отслеживается.

Он выбрался в центральный, самый широкий сегмент станции, и сразу увидел остальных. Анна Иванова уже была в скафандре, только без шлема и перчаток. Её лицо, обычно спокойное и даже чуть насмешливое, сейчас было бледным,

губы сжаты в тонкую линию. Она профессионально быстро проверяла герметичность соединений на своём костюме. Рядом Тору Накамура, ещё не успевший облачиться, помогал ей застегнуть замки на спине. Командир Донован висел у главного пульта управления, его пальцы летали над сенсорными панелями, вызывая схемы гермоотсеков и показания датчиков давления.

— Падение на три миллибара в минуту в японском модуле и переходном отсеке, — констатировал он, не оборачиваясь. — Локализовать пробоину не удаётся. Размер, судя по скорости утечки, значительный. Всему экипажу — немедленно приступить к эвакуации.

— Майкл, может, попробуем загерметизировать аварийный отсек? — спросила Анна, уже натягивая гермоперчатки. — У нас есть наборы для экстренного ремонта.

— Нет времени, Аня. — Донован наконец повернулся, и его взгляд, холодный и цепкий, скользнул по лицам коллег. — Скорость утечки растёт. Свищ, скорее всего, расширяется. Мы не знаем, была ли это серия ударов. Через считанные минуты давление упадёт ниже критического во всём этом секторе. Приказы не обсуждаются. Все в «Союз» и «Дракон». Делимся: Иванова, Накамура — со мной в «Союзе». Руднев — ты на «Драконе». Ты ближе к нему, и это самый быстрый вариант. Уводим оба корабля. Место встречи — расчётная точка ожидания, орбита двести на триста, связь по аварийному каналу.

Руднев знал, что это единственно верное решение. Пытаться найти и залатать пробоину в условиях нарастающей разгерметизации, когда ты не знаешь ни точного места, ни характера повреждения, было бы безумием. Можно потратить драгоценные минуты и остаться ни с чем, когда пути к отступлению уже будут отрезаны. Космос не прощает ошибок. Здесь нельзя полагаться на авось. Здесь действует только холодный расчёт и жёсткое следование протоколам. Но даже понимая всё это разумом, он почувствовал, как где-то глубоко внутри, под толщей профессиональной выдержки, зарождается тугая, холодная пружина страха. Не за себя — за станцию. За тот общий дом, который они строили и поддерживали на орбите десятилетиями.

— Принято, командир, — коротко ответил Руднев и, не теряя больше ни секунды, мощным толчком направил своё тело в американский сегмент, туда, где был пристыкован «Кру Драгон».

Путь до корабля был отработан до автоматизма. Каждый поворот, каждый поручень, каждый клапан на пути были знакомы ему, как изгибы собственного тела. Он летел по коридорам станции, которая ещё минуту назад была мирной научной лабораторией, а теперь превратилась в смертельную ловушку, стремительно теряющую воздух. Свист здесь уже превратился в настоящий вой, пронзительный и зловеющий. Датчики освещения мигали красным, отбрасывая на стены зловещие, дёргающиеся тени.

Добравшись до люка «Дракона», Руднев ловко подтянулся, открыл крышку переходного отсека и скользнул внутрь космического корабля. Здесь было тесно по сравнению с просторными лабораторными модулями станции, но эта теснота сейчас ощущалась как спасительное убежище. Четыре кресла, пульт управления с сенсорными экранами, запах пластика и металла. Он быстро, но без суеты, проверил показания бортовых систем. Давление в норме. Все системы корабля были в полной готовности, как и положено спасательной шлюпке.

Через иллюминатор он видел, как от станции отделился «Союз МС». Это произошло плавно, почти грациозно, но в этой плавности чувствовалась страшная, неотвратимая сила. Корабль с тремя членами экипажа медленно отошёл, включая двигатели ориентации, и начал закладывать вираж, уходя на более низкую орбиту, как и было приказано. Руднев глубоко вздохнул, выдохнул, стремясь привести пульс в норму. Отсоединение «Дракона» от станции было уже запрограммировано, ему оставалось только активировать протокол. Он протянул руку к кнопке запуска аварийной отстыковки...

И вдруг громкоговорители ожили. Но голос, раздавшийся из них, был не голосом Донована. И не голосом Центра управления полётами в Хьюстоне или Королёве. Это был искажённый, шипящий, явно синтезированный голос, говоривший по-английски с неопределимым, чуждым акцентом.

— Внимание, астронавт Руднев. Не прикасайтесь к систе-

мам отстыковки. Это приказ.

Рука Алексея застыла в нескольких сантиметрах от сенсорной панели. Он замер, чувствуя, как холодная волна пробегает по позвоночнику. Голос был чужой. Абсолютно чужой. Он не принадлежал ни одному оператору связи, ни одному диспетчеру, с которыми он когда-либо говорил.

— Кто это? Назовите себя, — потребовал он, стараясь, чтобы его голос звучал так же твёрдо, как у Донована несколько минут назад.

— Ваше новое командование, — ответил голос с той же безжизненной, механической интонацией. — Станция переходит под наш контроль. Ваша задача — оставаться на борту и выполнять наши инструкции. Любая попытка покинуть борт будет расценена как враждебное действие и пресечена.

— Вы в своём уме? Здесь разгерметизация! Я отстыковываюсь! — Руднев уже почти кричал, его палец снова потянулся к панели. Плевать на чужой голос, плевать на угрозы. Сначала — безопасность, потом — разбирательство.

— Давление в станции стабилизировано. Аварийные переборки изолировали повреждённый модуль. Угрозы для вашей жизни в текущий момент нет, — бесстрастно сообщил голос. — Но если вы активизируете отстыковку, мы откроем клапаны в вашем корабле дистанционно.

Руднев замер. Это была не пустая угроза. Если они смогли взломать канал связи, если они каким-то образом вмешались в системы станции, то взломать программу «Дракона»

для них — дело техники. Или у них уже есть доступ. Одно неверное движение — и воздух из его корабля улетучится за секунды. Он останется в герметичном скафандре, посреди мёртвого корабля, без возможности куда-либо двигаться, пока не кончится кислород. Или пока они не решат его добить.

— Кто вы? Что вам нужно? — спросил он, убирая руку от пульта. Пудреница страха в душе взорвалась облаком ледяной пыли. Это не несчастный случай. Это не метеорит. Это нападение.

— Информация о заказчике операции не имеет значения. Существенным является только объект. Нам нужен экспериментальный лазерный комплекс «Луч-2М», интегрированный в конструкцию станции. Модуль «Причал». Мы знаем, что он доставлен и смонтирован, но ещё не активирован. Вы сделаете это для нас.

Вот оно что. «Луч-2М». Военно-прикладной эксперимент, замаскированный под гражданскую программу по дистанционной передаче энергии. Официально — это проект по созданию системы для уничтожения космического мусора. На самом деле, как подозревал Руднев, это было оружие. Орбитальная лазерная установка мегаваттного класса, способная выводить из строя спутники, а при определённых условиях — наносить точечные удары по целям на Земле. Информация о ней была засекречена, но слухи среди профессионалов расползаются быстрее, чем воздух в пробой-

ну. И вот теперь кто-то нанёс удар, чтобы завладеть этим оружием. Удар невероятно точный, рассчитанный так, чтобы вывести из строя систему, убить или эвакуировать экипаж, но сохранить саму станцию и, главное, драгоценный модуль «Причал» с его смертоносной начинкой.

— «Луч-2М» — это всего лишь экспериментальный образец, — сказал Руднев, пытаясь выиграть время. Нужно было думать. Лихорадочно, быстро думать. — Он не рассчитан на боевое применение. Для его активации нужны коды доступа, которых у меня нет. Они у командира экипажа и на Земле. Я простой бортинженер.

Голос издал звук, отдалённо напоминающий смех — сухой, скрежещущий кашель электроники.

— Не лгите, майор Руднев. Ваше досье у нас. Вы — ведущий специалист по силовым установкам и бортовым системам вооружения. Именно вы монтировали интерфейсные блоки «Луча» три недели назад. Коды доступа для технической активации у вас есть. Этого достаточно. Командир Донован и его группа не представляют для нас интереса. Они уходят на свою низкую орбиту. А вы останетесь здесь и будете работать на нас. Сроку вам — два часа. Через два часа сюда прибудет наш шаттл для демонтажа модуля. Если к этому моменту «Луч» не будет готов к отстыковке и транспортировке, мы откроем клапаны в вашем корабле. Или в оставшихся модулях станции. Результат будет одним и тем же.

В динамиках что-то щёлкнуло, и наступила тишина. Толь-

ко гул вентиляции «Дракона» нарушал её. Глубокая, звенящая, кладбищенская тишина. Руднев остался один. Совершенно один. Экипаж ушёл. Связи с Землёй нет — враг наверняка глушит все каналы. У него нет оружия. Только станция, его знания и невесомость. И есть враг, который нагло, хладнокровно захватил его дом, угрожая смертью.

Первым делом он попытался связаться с «Союзом». Безуспешно. Все рабочие частоты были забиты плотным белым шумом. Видимо, нападавшие использовали мощный генератор помех. Затем он попробовал аварийный канал УКВ — тот же результат. Он был в полной информационной изоляции. Что ж, значит, сражаться придётся одному. Мозг, секунду назад парализованный шоком, теперь заработал с лихорадочной, неестественной ясностью. Страх отступил на второй план, уступив место холодной, расчётливой ярости. Они думают, что загнали его в угол. Думают, что он — безвольный исполнитель, который покорно выполнит их приказы, спасая свою шкуру. Они просчитались.

Алексей отстегнул ремни и поплыл обратно к люку, ведущему в станцию. Прежде чем выйти, он задержался на мгновение. Два часа. У него есть два часа. Не так уж и мало. Он обвёл взглядом внутренности «Дракона». Корабль, его спасательная шлюпка, теперь стал бесполезной жестяной, начинённой взрывчаткой с дистанционным взрывателем. Но на самой станции были инструменты. И были возможности. Руднев знал здесь каждый винтик, каждый свар-

ной шов. Он знал, как движется воздух, как течёт электричество, как перераспределяется тепло. Он знал, где какие клапаны и что будет, если их открыть в определённой последовательности. Он знал орбитальную механику. И он знал, что вокруг станции, на высоте четырёхста двадцать километров, летает огромное количество космического мусора. Обломки старых спутников, отработанные ступени ракет, фрагменты, образовавшиеся от столкновений. Тысячи объектов, движущихся со скоростью семь и восемь километров в секунду. Энергия столкновения даже с крошечным винтом на такой скорости сопоставима с выстрелом из танкового орудия. Это был его арсенал. Невидимый, неосязаемый, но смертоносный.

Глубоко вдохнув и выдохнув, он нырнул в люк, возвращаясь в чрево раненой, но не покорённой станции. Свет в японском модуле не горел — аварийные переборки герметично отсекали его, превратив в холодный склеп. Тишина здесь была почти осязаемой. Лишь редкое металлическое поскрипывание корпуса напоминало о том, что станция жива. Руднев двигался бесшумно, экономя силы. Первым делом он направился в российский сегмент, в модуль «Звезда», где располагался главный командный пост. Пульт был обесточен, но аварийные аккумуляторы должны были поддерживать его в спящем режиме. Так и есть. Прикоснувшись к сенсорной панели, он оживил экран. Система запросила пароль доступа. Он ввёл свой личный код — уровень «Борт-инженер».

Экран засветился, показывая телеметрию. Враг не соврал. Давление на станции упало до семисот миллибар — примерно как высоко в горах, — но стабилизировалось. Вся система жизнеобеспечения работала в урезанном, но стабильном режиме. Основные модули, включая «Причал» с его драгоценным и смертоносным лазером, были целы и герметичны. Атака была ювелирной, дьявольски точной. Они ударили именно туда, где находился экипаж в тот момент, когда они были наиболее уязвимы и меньше всего этого ожидали. Расчёт был на то, что экипаж спасается бегством, бросая станцию. И расчёт почти оправдался. Почти.

Руднев открыл программу контроля систем станции. Ему нужен был доступ к внешним камерам. Обычно они использовались для наблюдения за стыковкой и для осмотра обшивки. Сейчас это были его глаза. На главном экране расцвела панорама звёздного неба, разрезаемая дугой Земли. Где-то там, в этой черноте, сейчас летел «Союз» с его друзьями. Живы ли они? Смогут ли дотянуть до Земли? Это была отдельная боль, отдельная заноза в сердце, но сейчас он не мог себе позволить о ней думать. Сначала — выжить. Сначала — не дать врагу завладеть оружием, способным изменить баланс сил на планете.

Он переключил камеру на обзор носовой части. И увидел её. В полукилометре от станции, застыв в неестественной для космоса неподвижности, висела пробоина. Это был не просто рваный край металла. Он увеличил изображение,

и его пальцы, лежавшие на прохладной сенсорной панели, непроизвольно сжались. Пробоина была идеально круглой, с оплавленными, загнутыми внутрь краями. Такой характерный след оставляет не метеорит и не обломок спутника. Это был кинетический ударник. Вольфрамовый стержень, выпущенный с огромной скоростью. Снаряд, созданный руками человека, запущенный не с орбиты — оттуда не смогли бы нанести такой филигранный удар. Его запустили с Земли. С поверхности планеты. С помощью электромагнитной пушки или какого-то ещё оружия, о существовании которого он даже не догадывался. Это полностью меняло картину. Это была не просто атака группы наёмников, желающих поживиться дорогостоящим секретным оборудованием. Это была военная операция, спланированная на государственном уровне. Операция с колоссальным бюджетом и использованием технологий, которых, как считалось, не существовало.

Осознание этого факта ударило его сильнее, чем угроза смерти. Они продемонстрировали способность безнаказанно атаковать цели на низкой околоземной орбите прямо с земли. Один точный выстрел — и многомиллиардная станция превращается в грудку бесполезного металлолома, а её экипаж — в покойников. Или, как в этом случае, — в заложников. Это был акт войны. Войны, о которой никто на Земле, возможно, ещё даже не подозревает.

Он оторвал взгляд от зловещего, идеально круглого отверстия в обшивке и перевёл камеры в режим обзора простран-

ства. Нужно было понять, что ещё «подарила» ему эта атака, кроме дыры в корпусе и заложённой бомбы в двигателях «Дракона». И тут его взгляд зацепился за несколько тусклых, едва заметных искорок, вращающихся вокруг станции на некотором удалении. Он увеличил картинку и мысленно выругался. Это были не просто искорки. Это были обломки. Крупные фрагменты конструкций, куски солнечных батарей, какие-то искореженные металлические детали. Удар вольфрамового стержня, прошившего модуль насквозь, выбил целое облако мусора с другой стороны станции. И всё это облако, подчиняясь неумолимым законам орбитальной механики, теперь двигалось вместе со станцией, постепенно расползаясь вдоль её орбиты. Кинетическая атака не только вывела из строя целый сегмент, но и создала вокруг станции собственное, рукотворное минное поле из космического мусора.

И в голове Руднева, закалённого годами решения самых невероятных технических задач, забрезжил план. Сначала — безумный, на грани фантастики. Но чем дольше он смотрел на медленно дрейфующие в пустоте обломки, тем более реальным и единственно возможным он ему казался. У него нет оружия. Его враг — шаттл, который прибудет через два часа. Это тяжёлый, хорошо вооружённый и защищённый корабль. В открытом бою у него нет ни единого шанса. Но у него есть это облако мусора. Хаотичное, неуправляемое... почти неуправляемое. У него есть станция. Её гиродины, её

двигатели ориентации, её люки. И у него есть знания орбитальной механики.

Что, если он сможет использовать станцию как гигантскую катапульту? Что, если, используя серию микро-импульсов двигателей ориентации, он сможет не просто изменить орбиту станции, а повлиять на относительные скорости и траектории вот этих самых обломков? Они дрейфуют рядом. Любое ускорение станции изменит их орбиты по-разному, в зависимости от их массы и начальной скорости. А что, если пойти дальше? Что, если он использует выбросы газа из аварийных клапанов, чтобы создать направленные реактивные струи, которые сработают как система маневрирования для самых крупных обломков? Да, это микроскопические воздействия. Но в невесомости, в вакууме, где нет трения, даже малое усилие, приложенное в течение достаточного времени, может изменить траекторию. А главное — он знал, как использовать то, что у него в избытке. Атмосферу станции. Воздух.

Представьте: он стравливает воздух из одного из модулей через специально открытый клапан. Выброс газа создаёт кратковременную, но мощную реактивную тягу, как миниатюрный ракетный двигатель. Если направить эту струю на скопление обломков, она не причинит им вреда, но может слегка подтолкнуть их, изменить вектор. Но что ещё важнее, он может сделать станцию опасной для самого шаттла. Он может превратить процесс открытия люков в оружие. Если

в нужный момент, когда вражеский корабль будет подходить к шлюзу, резко разгерметизировать стыковочный отсек, поток вырывающегося газа ударит с чудовищной силой. Он собьёт корабль с курса, закрутит его, возможно, швырнёт на обломки.

Это был сумасшедший, опасный план. План, в котором любая ошибка означала его немедленную смерть. Разгерметизация модулей, в которых он находится, остатки воздуха, которые уходят в космос, — он мог просто задохнуться или замёрзнуть. Но это был единственный план. План, превращающий его из жертвы в охотника. Из инженера в командира обороны неприступной, хоть и израненной, крепости.

Он потратил ещё тридцать минут, углубившись в расчёты. Используя бортовой компьютер, он моделировал гравитационные возмущения и воздействие реактивных струй на известные ему крупные обломки. Он знал их приблизительную массу и траекторию по данным радаров станции, которые ещё работали. Задача была архисложной — рассчитать всё так, чтобы в момент прибытия шаттла облако мусора оказалось на его пути. Не просто на пути, а сконцентрированным в опасной близости от стыковочного узла. Ему нужно было создать «ворота» из мусора, через которые врагу придётся пройти. А затем захлопнуть ловушку.

Руднев оторвался от экранов и оттолкнулся от пульта. Мозг кипел от вычислений, в висках стучало. Он направился в модуль «Рассвет». Там находились скафандры для

внекорабельной деятельности — тяжёлые, надёжные российские «Орланы». Он начал облачаться. Каждое движение было медленным, тщательным. Он проверял каждый замок, каждый шланг, каждый датчик. Скафандр был его второй кожей, его линкором. Затем он взял набор инструментов для работы в открытом космосе. Нет, не оружие. Кусачки, отвёртки, фиксаторы, мотки троса. Оружием ему послужат законы физики.

Облачившись в скафандр, он не стал сразу выходить наружу. Сначала нужно было подготовить саму станцию к смертельному представлению. Он подплыл к главному распределительному щиту системы жизнеобеспечения. Ему нужно было взять под прямой, ручной контроль клапаны герметизации и аварийного сброса давления. Он открыл панель и углубился в хитросплетение проводов и микросхем. Используя портативный инженерный пульт, он переподключил управляющие контуры. Отныне команда на открытие любого люка или клапана в стыковочном отсеке и в нескольких прилегающих модулях будет поступать не с главного компьютера, а с его переносного планшета. И только с него. Он заблокировал все остальные управляющие сигналы, физически отключив сетевые кабели. Враг, возможно, взломал центральный процессор, но он не сможет взломать аналоговый, физически изолированный контур, управляемый одним-единственным тумблером на его поясе.

Теперь — воздух. Его драгоценный, утекающий ресурс.

Он перевёл все второстепенные модули в режим консервации. Перекрыл подачу кислорода туда. Отныне весь оставшийся воздух на станции будет сосредоточен в основных модулях и, главное, в его скафандре. Остальные отсеки он превращал в вакуумные баллоны, готовые в любой момент выпустить своё содержимое по его команде.

С этим было покончено. Осталось последнее, самое сложное и опасное. Выход в открытый космос для «юстировки» его импровизированной артиллерии. Он вошёл в шлюзовую камеру модуля «Пирс», закрыл внутренний люк и, дождавшись, пока автоматика откачает воздух, открыл внешний. Перед ним распахнулась бездна. Звёздная, бесконечная, ледяная бездна. Земля в этот момент была где-то внизу, огромная, величественная, закрывающая полмира. Он на мгновение замер, глядя на неё. Где-то там, под плотным слоем облаков, суетились люди, не подозревая, что над их головами, в холодной черноте, один человек готовится дать бой. Не за флаги и гимны, а просто потому, что не мог поступить иначе.

Он оттолкнулся и выплыл наружу. Скафандр слегка шипел сервоприводами, поддерживая внутри тепло и жизнь. Алексей закрепил страховочный фал и, перебирая руками по поручням, начал медленное, опасное путешествие по обшивке станции к её носовой части. Туда, где медленно, словно сонные акулы, дрейфовали выбитые ударом обломки. С расстояния в несколько сотен метров они казались не опаснее конфетти. Но он знал им цену. Каждый из этих кусков

металла на скорости в восемь километров в секунду мог прошить станцию насквозь, как иголка воздушный шарик.

Он добрался до секции, где крепилась одна из выносных штанг с научным оборудованием. Отсюда открывался хороший обзор на скопление мусора. Самые крупные фрагменты он мог разглядеть невооружённым глазом — изогнутый лист обшивки, похожий на гигантский лепесток, обломок фермы солнечной батареи, какие-то более мелкие детали, кружащиеся в медленном, безмолвном танце. Согласно его расчётам, траектория шаттла при подлёте к станции с большой вероятностью пройдёт именно через это облако. Если только враг не проведёт детальное сканирование и не скорректирует курс. Вот тут-то и нужна была его дьявольская приманка.

Он извлёк из сумки с инструментами баллон со сжатым азотом и специальный переходник, который смастерил в мастерской станции. Его идея была проста, как всё гениальное, и так же опасна. Он закрепит баллон на ферме и направит сопло в сторону самого крупного обломка — того, что был похож на лепесток. Азот будет стравливаться очень медленно, почти незаметно, создавая микроскопическую, но постоянную тягу. Этого будет недостаточно, чтобы кардинально изменить орбиту обломка, но достаточно, чтобы заставить его медленно смещаться. Если он всё рассчитал правильно, это смещение приведёт к тому, что через час с небольшим «лепесток» окажется на пути подлёта шаттла. И тогда у вражеского пилота будет выбор: либо отворачивать и маневри-

ровать, подставляясь под удар более мелких фрагментов, либо пытаться проскочить. В любом случае, это даст ему, Алексею, драгоценные секунды и фактор внезапности.

Он работал медленно, тщательно, на ощупь. Перчатки скафандра, хоть и были рассчитаны на тонкую работу, всё же оставались громоздкими. Каждый винтик, каждая гайка давались с трудом. Он установил баллон, проверил герметичность соединения и открыл тончайший вентиль. Манометр едва заметно дрогнул. Крошечная, невидимая струя азота устремилась в пустоту, начиная свою тихую, незаметную работу по изменению орбитальной механики.

Покончив с этим, он вернулся в шлюз. Время поджимало. До прибытия врага оставалось чуть больше сорока минут. Ему нужно было подготовить главную ловушку. Он закрыл за собой внешний люк, дождался, пока отсек наполнится воздухом, и с облегчением снял шлем. Лицо горело, спина была мокрой от пота. Он не позволял себе думать об усталости.

Теперь он направился в стыковочный узел, ведущий на «Причал». Именно там, по его предположению, враг попытается пришвартоваться. Этот узел был спроектирован для приёма тяжёлых модулей. Идеальное место для захвата. Руднев оглядел цилиндрический отсек, загромождённый оборудованием. Главным здесь был переходной люк — массивная круглая дверь с мощными гидравлическими замками. Рядом находился ручной аварийный клапан сброса давления

— большая красная рукоять, которую нужно было повернуть на девяносто градусов. По инструкции, этот клапан предназначался для экстренной разгерметизации отсека в случае пожара. Но сейчас у него было другое предназначение.

Если вражеский корабль пристыкуется, его стыковочный узел окажется в прямом контакте с атмосферой этого отсека. Если в этот самый момент он, Руднев, вручную откроет этот клапан и одновременно разблокирует замки люка, произойдёт взрывная разгерметизация. Весь воздух из отсека, десятки кубометров, с чудовищной силой устремится в космос через всё ещё открытый, не заблокированный до конца проём. Это будет не просто удар. Это будет направленный взрывной выхлоп, который швырнёт вражеский корабль прочь от станции, как пушинку. А если к тому моменту облако мусора, подправленное его азотным «двигателем», окажется на расчётной позиции, корабль просто выбросит прямо в гущу смертоносных фрагментов.

Это был план самоубийцы. При разгерметизации стыковочного отсека ему самому нужно было находиться в другом, надёжно изолированном модуле. Но даже в этом случае ударная волна, вибрация, прошедшая по всей конструкции станции, могла привести к новым разрушениям. Могла нарушить и без того хрупкую герметичность уцелевших отсеков. Могла просто убить его. Но это был единственный выстрел, который у него был. Один-единственный выстрел из чудовищной пушки, в которую он превратил орбитальную

станцию.

Он закончил последние приготовления и поплыл в самый дальний, кормовой модуль «Звезда», который решил сделать своим командным пунктом. Здесь он был в относительной безопасности, под защитой нескольких герметичных переборок. Он парил в полутьме аварийного освещения, глядя на экран планшета. На дисплей были выведены данные с внешних камер и показания датчиков. До контрольного срока оставалось пятнадцать минут. Тишина давила на барабанные перепонки. Он слышал только стук собственного сердца и ровное, спокойное шипение кислорода в скафандре, который он снова надел — на этот раз полностью, со шлемом, готовый к любым неожиданностям.

И вдруг на одном из экранов, транслирующих картинку с носовой камеры дальнего обзора, появилась движущаяся точка. Она быстро росла, превращаясь в корабль. Чужой, хищный, незнакомый силуэт. Ни «Союз», ни «Дракон», ни «Прогресс». Аппарат похож на приплюснутый конус, лишённый каких-либо опознавательных знаков. Он приближался быстро и уверенно, явно не опасаясь сопротивления. «Идут, как к себе домой, — с мрачным удовлетворением подумал Руднев. — Что ж, добро пожаловать».

Он активировал аварийный канал связи, тот самый, который раньше был забит помехами. Теперь, когда враг приблизился, он решил рискнуть. Передатчик был слабым, но на таком расстоянии его должны были услышать. Говорил он по-

английски, медленно и чётко.

— Неизвестному кораблю, приближающемуся к Международной космической станции. Говорит бортинженер Руднев. Станция обесточена, критически повреждена и находится в аварийном состоянии. Вокруг станции зафиксировано плотное облако высокоскоростных обломков. Попытка сближения и стыковки сопряжена с предельным риском. Немедленно прекратите сближение и покиньте опасную зону. Повторяю, это аварийная ситуация. Стыковка невозможна.

Ответом ему был тот же насмешливый, синтезированный голос, что и раньше. На этот раз в нём слышалось презрение.

— Ваши жалкие попытки ввести нас в заблуждение напрасны, майор. Наши сканеры фиксируют стабильное давление на станции. Никакой критической угрозы обломков мы не наблюдаем. Прекратите этот цирк. Готовьте модуль «Причал» к отстыковке. У вас осталось двенадцать минут. Если через двенадцать минут вы не подтвердите готовность лазерного модуля к демонтажу, мы будем считать наши договорённости расторгнутыми и откроем клапаны вашего корабля. Вам конец, Руднев.

В динамиках снова зашипело. Алексей криво усмехнулся под шлемом. Они не поверили. И прекрасно. Они плыли прямо в расставленную сеть. Их самоуверенность была его главным союзником. Он бросил взгляд на второй экран, куда вывел смоделированную картинку расположения облом-

ков. Азотный баллон сделал своё дело. Крупный «лепесток» обшивки медленно, но верно сместился и теперь дрейфовал в опасной близости от расчётного коридора подлёта. Враг его либо не видел — система маскировки обломков на фоне Земли играла Рудневу на руку, — либо не считал опасным. Его сканеры были настроены на активные угрозы, ракеты, снаряды. А кусок мёртвого металла, плывущий по баллистической траектории, не излучал ничего. Это был идеальный невидимка.

Неизвестный корабль тем временем начал манёвр торможения. Он замедлял ход, подходя к стыковочному узлу «Причала». Его движения были точны и профессиональны. Видно было, что пилот — ас. Но даже асы совершают ошибки, когда свято верят в свою безнаказанность. Руднев затаил дыхание. Его рука в толстой перчатке скафандра легла на самодельный пульт, соединённый проводами с клапаном разгерметизации и замками люка. Сейчас всё должны были решить секунды.

До стыковочного узла оставалось пятьдесят метров. Тридцать. Десять. Чужой корабль замедлился почти до нуля, зависнув напротив люка. Выдвинулся стыковочный штырь. Руднев на мгновение представил себе, что сейчас чувствуют те, кто сидит внутри этого хищного конуса. Торжество? Жадное предвкушение завладения уникальным оружием? Они, наверное, уже делили прибыль от этой небывалой космической кражи. Они были уверены, что загнанный в угол, без-

оружный инженер сломается и сделает всё, что ему велят, ради призрачного шанса выжить.

— Сближение завершено. Контакт. Захват. Начинаю герметизацию стыковочного узла, — раздался в эфире голос уже не синтезированный, а живой, человеческий, с явным акцентом. Говорил, судя по всему, командир группы захвата. — Руднев, ваш выход. Открывайте люк и встречайте гостей. У вас две минуты. Потом мы войдём сами, и тогда разговор будет коротким.

— Принято, — тихо сказал Руднев в микрофон. Его голос дрогнул только самую малость. — Встречайте.

И нажал кнопку.

В первый миг не произошло ничего. Была лишь секунда глухой, звенящей тишины. А затем станцию сотряс чудовищный, невообразимый удар. Это не было похоже на взрыв. Скорее, на гулкий, всепроникающий толчок, от которого заскрежетал металл и задрожали переборки. Одновременно с этим наступила абсолютная, космическая тишина. Руднев, находившийся в своём герметичном убежище, не слышал, как весь воздух из стыковочного отсека, сотни кубометров, с воем раненого зверя вырвался наружу. Он не слышал скрежета разрываемого металла, с которым стыковочный узел вражеского корабля, ещё не заблокированный до конца, был срезан, словно консервная банка, чудовищным потоком расширяющегося газа.

Но он увидел это. На экране внешней камеры, которая чу-

дом уцелела и продолжала передавать картинку, разыгралась безмолвная, завораживающая в своей разрушительной мощи картина. Чужой корабль, всё ещё соединённый со станцией тонкой нитью переходного рукава, резко, рывком, отбросило назад и вбок. Это было похоже на удар невидимого боксёра-тяжеловеса. Корабль закрутило вокруг своей оси, беспомощно, как пустую консервную банку. Его двигатели ориентации, не рассчитанные на такое чудовищное возмущение, хаотично вспыхивали, пытаясь стабилизировать вращение, но только усугубляли его.

И в это самое мгновение, словно повинуюсь безмолвной команде режиссёра адского спектакля, в кадре появился тот самый «лепесток» обшивки. Он приближался медленно, величаво, неумолимо. Враг не видел его. Все его системы были заняты борьбой за живучесть, попытками погасить бешеное вращение и восстановить управление. А кусок мёртвого металла, подчиняясь лишь законам физики, двигался по расчётной траектории. Это была не лобовая атака. Это было касательное скольжение.

«Лепесток» врезался в бок вражеского корабля. Столкновение на относительной скорости в несколько десятков метров в секунду не было эффектным взрывом, как в кино. Это был скорее глубокий, страшный разрез. Острый, как бритва, край титановой обшивки, словно консервный нож, вспорол корпус чужого шаттла от носа до хвоста. На экране было видно, как из длинной, расширяющейся раны в чёр-

ную пустоту фонтаном хлынули газы, замерзая и превращаясь в облако ледяных кристаллов. Вместе с газами вылетали какие-то обломки, куски оборудования, клочья теплоизоляции. Вспыхнуло короткое замыкание, осветившее место катастрофы мертвенным голубым светом. Корабль задрожал, его вращение стало беспорядочным и конвульсивным. Из развороченного бока вырвалось облако искр. Система жизнеобеспечения была мгновенно и безвозвратно потеряна. А затем наступила тьма. Корабль перестал подавать признаки жизни, превратившись в ещё один кусок космического мусора, медленно и бесконечно кувыркающийся на орбите.

Руднев медленно, очень медленно выдохнул. Выдох, который он, казалось, сдерживал целую вечность. Перед глазами всё ещё стояла картина безмолвной гибели вражеского корабля. Это было страшное зрелище. Но он не чувствовал ни торжества, ни радости. Только холодную, опустошающую усталость, смешанную с острым, как бритва, осознанием того, что он только что сделал. Он, человек мирной профессии, инженер и учёный, только что уничтожил неизвестный космический корабль вместе со всем его экипажем. Он стал оружием. Сама станция стала оружием. Космос вокруг, сама ткань мироздания, повинувшись его расчётам, стали оружием.

Он медленно поднял руку в перчатке, разжал побелевшие пальцы, которыми только что нажимал на кнопку пуска, и увидел, как они мелко дрожат. Первый раунд остался за ним. Но он знал, что это было только начало. Враг, столь тща-

тельно спланировавший эту операцию, не ограничится одним шаттлом. Потеря связи с передовой группой неизбежно вызовет новую волну атаки, ещё более яростную и подготовленную. И в следующий раз его трюк с воздухом и мусором не пройдёт. Нужно было готовиться к продолжению войны. Войны, которая началась в полной тишине, на высоте четырёхста километров над Землёй.

Глава 2. Молот и наковальня

Человеческое сознание устроено удивительно: в моменты наивысшего напряжения оно способно расщеплять реальность на бесконечно малые фрагменты, растягивая секунды в часы. Алексей Руднев, парящий в полутьме кормового модуля «Звезда», переживал именно это. Он смотрел на экран, где безмолвно кувыркался в бездне разрубленный вражеский корабль, и не мог заставить себя отвести взгляд. Картина гибели, запечатлённая камерой, казалась нереальной, будто кадр из плохого фантастического фильма, который крутят на предполётных инструктажах в разделе «катастрофические сценарии». Но это был не фильм. Это была его работа. Его расчёт. Его кнопка.

Мелкая дрожь в пальцах всё не унималась. Руднев сжал правую руку в кулак, чувствуя, как хрустнули суставы даже сквозь толстую ткань перчатки скафандра. Он убил людей. Или не людей? Кто они были? Наёмники? Солдаты несуществующей армии? Фанатики, возомнившие себя хозяевами орбиты? Он не знал. Знал только, что они пришли отнять и уничтожить, а он — защищался. Простейшая формула выживания, старая как мир. Но от этого понимания легче не становилось. Где-то на задворках сознания колыхнулась мысль о загубленных душах, но он безжалостно отодвинул её в сторону. Сейчас не время для рефлексии. Сейчас время

для холодного анализа. Убийца он или защитник, решится потом, если он вообще доживёт до этого «потом».

Он перевёл взгляд на телеметрию станции. Датчики показывали картину, далёкую от идеальной, но и не катастрофическую. Взрывная разгерметизация стыковочного узла, как он и рассчитывал, была направленной. Основная сила выхлопа ушла в космос, унося с собой вражеский корабль. Станция, конечно, получила отдачу. Уровень микровибраций зашкаливал, несколько внешних датчиков на самом модуле «Причал» погасли — их либо сорвало, либо повредило. Но течи воздуха в обитаемых отсеках, которые он сохранил, не было. Давление держалось стабильным — семьсот десять миллибар. Жить можно. Не комфортно, как на равнине, а как в горах Тибета, но можно. Главное — не делать резких движений и не перенапрягаться, чтобы не заработать гипоксию. Скафандр пока можно было не снимать: система регенерации воздуха в нём работала безупречно, создавая внутри комфортный микроклимат. В этом толстом, неуклюжем панцире он чувствовал себя почти в безопасности. Почти.

Первым делом нужно было оценить масштаб нанесённого врагу урона. Руднев снова оживил пульт управления внешними камерами, благо аварийное питание ещё держалось. Он навёл оптику на то, что осталось от чужого шаттла. Зрелище было удручающим. Корабль разваливался на части. Длинный, рваный разрез, оставленный «лепестком» обшивки, разошелся, и теперь из него, словно изнутри из

вспоротого брюха кита, медленно вываливались фрагменты внутреннего оборудования. Какие-то ящики, обрывки кабелей, панели, похожие на пульта. Всё это медленно разлеталось, образуя вокруг остова корабля ещё одно, рукотворное облако мусора. Руднев мрачно усмехнулся. Он сам недавно использовал такой же мусор как оружие, а теперь враг, даже мёртвый, создавал новые навигационные опасности. «Забавно, — подумал он, — мы как будто соревнуемся, кто больше намусорит на орбите. Космическая война по версии „Гринпис“. За нами прилетят не военные, а экологические инспекторы».

Но от созерцания разрушенного вражеского судна пора было переходить к делу. План, который он с блеском реализовал, был планом отчаянного самоубийцы, рассчитанным на один удар. Он сработал. Враг уничтожен. Но война, он это чувствовал нутром, только начиналась. Военные доктрины не пишутся под одну атаку. Если на Земле есть силы, способные запустить кинетический ударник и отправить штурмовой шаттл, то они не остановятся после потери одной боевой единицы. Они будут давить. Пришлют второй корабль. Или третий. Или нанесут новый удар с Земли, теперь уже не для захвата, а для гарантированного уничтожения — чтобы лазер не достался никому. Или чтобы замести следы. Нужно было срочно, в темпе, который опережает даже панику, превратить станцию из импровизированной ловушки в настоящую, эшелонированную оборону.

Он начал с пополнения своего арсенала. Воздуха, как оказалось, у него было больше, чем он думал. Основные баки с кислородом и азотом, к счастью, находились в уцелевших модулях и не пострадали. Атмосфера станции — это не только то, чем он дышал. Это было его главное метательное вещество. Его порох. Руднев подключился к системе наддува и начал перекачивать воздух из наименее важных, законсервированных модулей в герметичные баллоны высокого давления, которые обычно использовались для дозаправки скафандров. Он гонял компрессоры на пределе их возможностей, не обращая внимания на предупреждающие сигналы о перегреве. Хотите захватить мою станцию? Что ж, сначала вам придётся выдержать её гнев. Каждый люк, каждый клапан, каждый стыковочный узел отныне становился потенциальным оружейным портом. Он модернизировал свою импровизированную систему управления, подведя провода от аварийных клапанов ещё трёх модулей к своему планшету. Теперь одним движением пальца он мог устроить «торжественную встречу» сразу с нескольких направлений.

Но одной лишь пневматикой сыт не будешь. Воздушный удар хорош накоротке. А ему нужно было оружие дальнего боя. Оружие, которое не оставит врагу шанса подойти на дистанцию стыковки. Его взгляд снова упал на изображение разрушенного вражеского корабля. И тут его осенило. Настоящая, холодная и циничная мысль инженера-оружейника, которым он поневоле становился. Шаттл врага. Он мёртв,

но его обломки... Они ведь летят по той же орбите, с той же скоростью, что и станция. Относительная скорость небольшая. А значит, это не просто обломки. Это склад боеприпасов, который враг любезно доставил прямо к его порогу.

Руднев торопливо развернул на главном экране карту орбитального пространства, совмещённую с данными радара. Так и есть. Большая часть обломков, включая довольно крупные фрагменты, дрейфовала в зоне относительной досягаемости. Они медленно расплзались, образуя вытянутое облако вдоль орбиты. Он мог попытаться использовать это. Если он сумеет точно рассчитать момент и стравливанием воздуха, микроимпульсами двигателей ориентации, которые ещё функционировали, изменить орбиту станции так, чтобы «подгрести» эти обломки впереди себя... Он создаст эшелон заграждения. Мобильное минное поле. Любой корабль, который попытается приблизиться со стороны носовой полусферы, сначала должен будет пройти сквозь гущу этого мусора.

— Мусор против мусора, — пробормотал он вслух, и звук собственного голоса в замкнутом пространстве шлема показался чужим и глухим. — Прекрасный план, Алексей. Особенно если учесть, что каждый второй обломок может прошить станцию насквозь. Но выбора, как всегда, нет.

Он сел за расчёты. Это была сложнейшая задача небесной механики, которую в обычных условиях решал бы целый вычислительный центр на Земле в течение нескольких

часов. У него был только бортовой компьютер и собственный мозг, разогнанный адреналином до предела. Он погрузился в работу с головой, забыв о времени. Он рассчитывал траектории крупных обломков, их массу, моменты инерции, влияние светового давления и гравитационных аномалий. Он подбирал нужные импульсы для двигателей «Звезды», чтобы, с одной стороны, сместить станцию в нужную точку, а с другой — не разрушить её окончательно. Это была работа сапёра, балансирующего на лезвии бритвы. Одно неверное движение, ошибка в расчёте на долю градуса — и какой-нибудь особенно быстрый кусок вражеского шаттла пробьёт ему не японский модуль, а, скажем, гермокорпус его собственного командного пункта. Тогда глава закончится быстро и бесславно.

На то, чтобы подготовить и запустить серию корректирующих импульсов, ушло около часа. Станция мелко вибрировала, когда включались крошечные сопла ориентации. Руднев физически ощущал, как огромная, многотонная конструкция медленно, словно сонный бегемот, меняет своё положение в пространстве. Гиродины тихо жужжали, перераспределяя момент вращения. На экране радара он с удовлетворением наблюдал, как россыпь красных точек, обозначающих обломки, медленно меняет свою конфигурацию относительно зелёного крестика станции. Они собирались впереди, как стая железных пираний, готовая встретить любого, кто посмеет приблизиться. Теперь у него был форпост.

Закончив с этим, он позволил себе короткую передышку. Откинувшись в кресле — насколько это вообще возможно в невесомости, — он закрыл глаза. В висках стучало. Во рту был металлический привкус, верный признак усталости и стресса. Захотелось пить. Он потянулся к трубке с водой, встроенной в скафандр, и сделал несколько жадных глотков. Тёплая, отдающая пластиком вода показалась нектаром. Надо было поесть, но мысль о еде вызывала тошноту. Адреналин всё ещё гулял в крови, не давая расслабиться. Он понимал, что долго в таком режиме не протянет. Нужно было заставить себя отдохнуть, хотя бы несколько минут, пока враг не предпринял следующий шаг.

И тут, словно в ответ на его мысли, ожил аварийный приёмник. Но на этот раз это был не синтезированный голос неведомого врага. Это был слабый, дрожащий, пробивающийся сквозь помехи человеческий голос. Женский голос. Голос Анны Ивановой.

— ...нец... слышите... борт... Руднев! Алексей! Ответь!

Он вздрогнул и рванулся к пульту, чуть не вырвав с корнем кабель связи из гнезда скафандра.

— Анна! Слышу тебя! На связи! Что у вас? Вы целы?

Несколько секунд динамики шипели, словно голос пробивался сквозь слой ваты.

— Лёша! Слава богу! Мы живы! «Союз» цел, орбита в расчётном коридоре. Накамура и Донован... они... без сознания. Углекислотой надышались, пока мы... пока отсек не

изолировали. Я одна. Но мы живы! Что у тебя? Мы видели взрыв! Что происходит? Кто это был?

У Руднева словно гора с плеч свалилась. Живы! По крайней мере, трое живы. Одно это известие стоило целой победы. Он почувствовал, как к глазам подступает предательская влага, но быстро сморгнул её.

— Слушай меня внимательно, Аня. Это военное нападение. Я не знаю, кто. Я уничтожил их штурмовой шаттл. Но это не всё. Они хотят захватить «Луч». У вас есть связь с Землёй?

— Нет! — её голос звенел от отчаяния. — Все частоты забиты. Я пытаюсь пробиться, но мощности передатчика «Союза» не хватает. Глушат на корню. Мы как в колпаке.

— Понял. Тогда слушай новый приказ. Это приказ, Аня, не просьба. Ты должна любой ценой увести «Союз» с орбиты. Уводите корабль на посадку. Хотя в ручном режиме. Сажай его, где угодно, но убирайтесь от станции.

— Ты с ума сошёл?! — взорвалась она. — Мы тебя здесь не бросим! Донован меня за это живьём съест, когда очнётся! И потом, у нас раненые! Как я посажу корабль одна?

— А как я один буду оборонять станцию?! — рявкнул он в ответ с такой яростью, что сам удивился. — У вас трое на борту, двое без сознания! Ты не сможешь и их выхаживать, и связь держать, и мне помогать! Ты сейчас — единственный шанс доставить информацию на Землю! Пойми, если мы все здесь поляжем, никто даже не узнает, что произошло! Они

придут снова, снимут «Луч», и всё будет напрасно! Ты — наш чёрный ящик, Аня! Ты — наш голос! Ты обязана выжить и рассказать!

В эфире повисла долгая, мучительная пауза, наполненная лишь шорохом помех. Он слышал её тяжёлое дыхание. Он знал, чего ей стоит это решение. Бросить товарища в бою — худшее, что может сделать солдат. Хуже смерти. Но это была война, и законы военного времени требовали жертв.

— Хорошо, — наконец выдавила она. Её голос был глухим и чужим. — Я попытаюсь. Но я вернусь за тобой, слышишь? Я приведу помощь. Ты только дождись. Не вздумай там геройствовать до смертоубийства.

— Договорились, — он постарался вложить в голос как можно больше уверенности, которой на самом деле почти не осталось. — Уходите. И пусть вам сопутствует удача. Конец связи.

Он отключился, потому что боялся не выдержать и сказать что-то лишнее. Что-то глупое, сентиментальное, что могло бы поколебать её решимость. Сейчас сентименты — непозволительная роскошь. Он остался один. Снова один. Но теперь у него была надежда. Крошечная, но надежда на то, что его борьба не будет напрасной. Что Земля узнает.

Он позволил себе ровно три минуты на то, чтобы переварить разговор и восстановить душевное равновесие. Затем встряхнулся, как мокрая собака, и вернулся к пульта. Враг не заставил себя ждать. Словно в насмешку над его минутной

слабостью, радар зафиксировал новую цель. Она появилась внезапно, словно из ниоткуда, на дальней дуге горизонта. Объект был меньше первого шаттла и двигался не со стороны Земли, а с высокой орбиты. Это был, судя по всему, автоматический разведчик. Беспилотник. Он приближался осторожно, зигзагами, явно прощупывая пространство. Вражеские аналитики, получив данные о гибели штурмовика, выслали передовой дозор. Осмотреться, оценить ущерб, определить систему обороны.

— Ах ты, мелкий шпион, — процедил сквозь зубы Руднев, провожая взглядом точку на радаре. — Ну давай, подойди поближе. Посмотри, что у меня тут припасено.

Он понимал, что этот разведчик — не просто наблюдатель. Он наверняка оснащён аппаратурой радиоэлектронной борьбы, сканерами, а возможно, и ударными средствами. Он будет выявлять его, Руднева, уязвимости. Он будет искать пути обхода. И если дать ему волю, он нарисует для следующей волны атаки подробнейшую карту с указанием всех слабых мест. Значит, медлить нельзя. Разведчика нужно было сбить. Во что бы то ни стало.

Но как? Лазер «Луч-2М» ещё не активирован. Чтобы его запустить, нужна была полная проверка систем, калибровка, охлаждение. Это часы, а то и сутки работы. Воздушный удар на такой дистанции — это всё равно что пытаться сбить муху из духового ружья с двадцати шагов. Нужно было что-то другое. Его взгляд упал на схему модуля «Причал». Помимо

самого лазера, там находилась масса вспомогательного оборудования. В том числе мощные гироскопы точной ориентации, предназначенные для сверхточного наведения луча. И система охлаждения. Мощные криогенные насосы.

И тут у него в голове забрезжила новая идея. Да, он не может выстрелить из лазера. Но он может использовать его систему охлаждения. Криогенные насосы перекачивают жидкий азот для охлаждения матрицы. А что, если... слить этот азот в космос? Но не просто слить, а под большим давлением, через сопло системы терморегуляции? Это будет не просто струя. Это будет реактивный выхлоп. Если он сумеет нацелить эту струю достаточно точно, то сможет закрутить станцию? Нет, это глупо. А если использовать струю как импровизированный двигатель для одного из обломков, которые он так старательно собирал впереди?

Он снова уткнулся в расчёты. Разведчик был ещё далеко, на подлёте. У него было время. Идея становилась всё более кристальной. Он не будет стрелять во врага напрямую. Он создаст новую угрозу. Он выберет обломок побольше, подведёт к нему шланг подачи азота, который выдержит давление, и направит сопло. Азот под давлением в сотни атмосфер создаст тягу, которая за несколько минут разгонит обломок до скорости, достаточной, чтобы превратить его в кинетический ударник. Ручная, одноразовая ракета. Созданная из хлама, работающая на хладагенте. Эстетика этого места начинала его утомлять, но эффективность отрицать было нель-

зя. Научно-исследовательская станция превращалась в литейный цех бога войны.

Он назвал этот план «Катапульта». И немедленно приступил к его исполнению, пока разведчик, словно любопытный, но осторожный стервятник, кружил на дальних подступах, сканируя пространство. Времени на отдых больше не было.

Руднев в третий раз за этот бесконечный день облачился в «Орлан» для внекорабельной деятельности. Скафандр стал ему почти родным. Он знал каждый звук его сервоприводов, каждый нюанс в работе системы терморегуляции. Тело болело, особенно плечи и спина — долгое нахождение в невесомости в жёстком скафандре давало о себе знать. Но боль была тупой, фоновой, на которую можно было не обращать внимания, как на шум вентиляторов. Он вошёл в шлюз «Пирса», который стал его основным выходом в бездну. Ожидая, пока откачается воздух, он бросил взгляд на индикатор запаса кислорода. Пятьдесят шесть процентов. Хватит ещё на шесть-семь часов активной работы. А потом нужно будет менять баллоны. Если он доживёт.

Когда внешний люк открылся, он снова на мгновение замер, поражённый величием космоса. Огромная, ослепительно-голубая Земля висела над головой — или под ногами? Здесь не было верха и низа. Облачные вихри закручивались в гигантские спирали, океанская гладь блестела, как расплавленное олово. Где-то там, внизу, ничего не подозревая, жили своей жизнью миллиарды людей. Стояли в пробках, пи-

ли утренний кофе, целовались, ссорились из-за пустяков. А здесь, на высоте четырѐхсот километров, один человек в громоздком скафандре готовил артиллерийскую батарею из куска космического мусора. Дивный новый мир.

Он двинулся вдоль обшивки, цепляясь карабинами страховочного фала. Станция плыла под ним, огромная, сложная, как механический кит, собранный из разных, не всегда подходящих друг к другу деталей. Он любил эту конструкцию. Любил даже её скрипы и стоны, её вечные неисправности и капризы. Теперь он должен был сделать ей ещё больнее, чтобы спасти. Он приблизился к скоплению обломков, которое сам же собрал впереди станции. Выбрал один — массивный кусок титановой балки, видимо, элемент силового набора вражеского шаттла. Балка была около двух метров в длину, с рваными, острыми краями. Идеальный снаряд.

Работа предстояла ювелирная. Он закрепился на обшивке с помощью магнитных башмаков и развернул принесѐнный с собой шланг высокого давления, подсоединѐнный к переходнику на корпусе «Причала». Тянуть его пришлось почти десять метров. Шланг был жѐстким, неподатливым, и на морозе космоса становился ещё более упрямым. Он пыхтел, как загнанный носорог, борясь с этой металлической змеей. Шум собственного дыхания в шлеме был единственным, что он слышал.

Наконец, с горем пополам, ему удалось подтянуть шланг к выбранной балке. Теперь самое сложное: зафиксировать

сопло на обломке так, чтобы вектор тяги проходил точно через центр масс. Иначе «снаряд» начнёт вращаться и уйдёт черт знает куда. Руднев использовал раздвижные трубки, которые нашёл в ящике с инструментами для ремонта ферм. Он обхватил балку с двух сторон, затянул крепления с такой силой, что мышцы взвыли, а затем примотал сопло шланга к одной из трубок стальной проволокой. Конструкция выглядела настолько кустарно и ненадёжно, что впору было смеяться. Но закон Бернулли и третий закон Ньютона — штуки надёжные. Они не зависят от эстетики креплений.

— Ну, с Богом, — прошептал он и подал сигнал на свой планшет, открывая клапан подачи азота.

Шланг дёрнулся, как живой. В абсолютной тишине вакуума он, конечно, не мог слышать шипения вырывающегося газа, но он видел, как задрожала балка. Из сопла вырвалось едва заметное, кристаллическое облачко, мгновенно исчезающее в пустоте. Балка медленно, очень медленно, начала двигаться. Сначала плавно, а потом всё быстрее и быстрее. Она отрывалась от общей массы обломков, набирая скорость. Руднев, затаив дыхание, следил за ней, сверяясь с данными на дисплее нашлемного визора. Он видел расчётную траекторию, наложенную на реальную картинку. До точки перехвата разведчика оставалось три минуты. Разведчик, словно почуяв неладное, начал маневрировать, уклоняясь от сближения со станцией. Но он не видел главной угрозы. Он следил за станцией, а не за куском мусора, не излучающим

никаких сигналов.

— Давай, родимая, — подбодрил он балку, словно та могла его слышать. — Просто лети прямо. Ты теперь не мусор. Ты — высокоточный боеприпас, гордость конструкторского бюро имени Руднева.

Балка, повинувшись законам физики, неслась вперёд, постепенно удаляясь от станции. На фоне гигантского полумесяца Земли она казалась крошечной щепкой. Разведчик врага, выполнив очередной манёвр, замер на мгновение, сканируя станцию. И в этот момент балка настигла его. Это было попадание «в яблочко». Столкновение было безмолвным, но Рудневу показалось, что он услышал грохот. Беспилотник разлетелся на тысячу осколков, вспыхнув коротким, безжизненным облаком искр от короткого замыкания. Не было ни огня, ни дыма — только мгновенно расширяющаяся сфера обломков, застывающих в своём вечном орбитальном танце.

— Один-ноль в пользу команды землян, — прокомментировал Руднев, чувствуя мрачное удовлетворение. Ещё один этап пройден. Ещё один враг нейтрализован. Но он знал, что лимит на дешёвые трюки почти исчерпан. Этот разведчик наверняка успел передать массу ценной информации своим хозяевам. Картину повреждений, местоположение Руднева, работу его двигателей. Теперь враг знал о нём гораздо больше. И следующий ход будет за ними. Он должен быть готов.

Он вернулся на станцию, чувствуя, как с каждым часом нарастает физическая и моральная усталость. Но расслаб-

латься было нельзя. Едва он закрыл за собой внутренний люк шлюза и начал стравливать давление, как станцию снова качнуло. На этот раз не так сильно, как при взрывной разгерметизации, но ощутимо. Это была серия ритмичных, коротких толчков. «Что за чёрт? — мелькнула мысль. — Метеоритный поток?» Он бросился к пульту и вызвал данные телеметрии. Сердце ухнуло вниз. Это был не метеорит. Это был новый удар. Ещё один кинетический ударник. На этот раз выстрел был сделан не по модулю с экипажем, а по его, рудневскому, импровизированному заградительному рубежу. Снаряд попал точно в центр скопления обломков, которые он с таким трудом собирал впереди станции. Удар разметал их, словно кегли в боулинге. Его «щит» перестал существовать в одну секунду.

И самое страшное — один из крупных обломков, получив мощный импульс от удара, изменил траекторию и теперь летел прямо в станцию. Прямо в кормовой сегмент, туда, где находился модуль «Звезда». Его командный центр. Его дом.

— Вот же!.. — он не договорил, слова застряли в горле. Времени на ругательства не было.

На радаре замигал сигнал критического сближения. Красная точка неумолимо приближалась к зелёному крестику. До столкновения оставалось меньше минуты. Мысли замесались в черепной коробке, как испуганные птицы. Бежать? Но куда? В другой модуль? Пока он будет пробираться через люки, пройдёт больше минуты. Да и не факт, что он успеет

до того, как обломок пробыёт обшивку «Звезды» и его убьёт взрывной декомпрессией. Единственный шанс — попытаться увести станцию с линии удара. Но гиродины и двигатели не смогут изменить орбиту многотонной махины за такой короткий срок. Нужно было не увести станцию, а отклонить обломок.

И тут он вспомнил о своём главном козыре. Воздух. Тот самый воздух, который он закачал в баллоны высокого давления. Он потратил его не весь. Остатки были в модуле «Пирс», в шлюзовой камере, которую он только что использовал. Шлюз сообщался с внешним пространством через клапан, которым он управлял со своего планшета. Если он откроет его сейчас, в экстренном порядке, поток воздуха ударит как раз в ту сторону, откуда летит обломок. Это будет слабый толчок, ничтожный по сравнению с массой обломка. Но это лучше, чем ничего. Это был его единственный патрон.

Пальцы летали по сенсорному экрану, отдавая команды. Он выставил клапан шлюза «Пирс» на аварийный сброс, полное открытие. Давление в шлюзе было почти атмосферное. До обломка — двадцать секунд. Пятнадцать. Десять.

— Давай! — заорал он в голос и нажал кнопку.

И снова безмолвный удар. На этот раз он ощущался острее, потому что ударная волна пришлась на ближайший к нему модуль. Станция загудела, как гигантский колокол. Руднева швырнуло на пульт, ремни безопасности, которыми

он едва успел пристегнуться, впились в плечи. Свет на мгновение мигнул. Завыли аварийные сирены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.